

ISSN: 2158-7051

INTERNATIONAL
JOURNAL OF
RUSSIAN STUDIES

ISSUE NO. 3 (2014/1)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СИБИРИ: Г.И. ГУРКИН И АЛТАЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Д. А. МИХАЙЛОВ*

Summary

The paper attempts to identify some common features of national discourse in Siberia. The genesis of the specific conditions of the Siberian nationalism associated with the weak development of modernized forms of social communication is marked. In this case, there are two main directions in the study of the problem of nationalism in Siberia. Firstly, the study of Siberian nationalism, as an expression of civic separatism, which takes roots in Siberian regionalism. Secondly, the study of Siberian ethnic nationalism which manifested itself with particular force in the early 1990s. The subject of study is the image of the well-known public figure in Siberia, Altai artist GI Gurkin. Conclusions about the characteristics of the formation of national identity of Altai are Based on the analysis of biographical data, and substantial elements of an image of Gurkin.

Key words: Siberia, nationalism, Altai, national memory.

Повышение исследовательского интереса к проблеме изучения национализма в последние три десятилетия вызвано рядом объективных обстоятельств. Во-первых, на него оказали влияние глобальные процессы, которые привели к изменению этнического состава стран Запада. Вторым фактором стало бурное нациестроительство, связанное с появлением новых государств после распада СССР и Югославии. В-третьих, сыграло роль развитие теоретической мысли и оформление конструктивистской парадигмы, позволившей по-новому осмыслять растущий эмпирический материал.

Большое внимание национализмоведению уделяется и российской наукой. С одной стороны, Россия оказалась в эпицентре масштабных национальных процессов. С другой, методологический плюрализм, пришедший на смену официальной советской идеологии,

позволил переосмыслить историографию многих вопросов, открыл новые сферы для изучения.

Возникающие при этом проблемы связаны с тем, что само понятие «национализм» в советской обществоведческой традиции имело выраженное негативное содержание. В общественном сознании национализм понимался сугубо как явление негативное, проявляющееся в экстремистских формах. При этом, как правило, национализму противопоставляется патриотизм. В этом контексте под патриотизмом чаще всего понимается преследование общественных интересов в ущерб личным, в то время как под национализмом - представление о неполноценности других народов^[1]. Очевидно, что одно явление не исключает другого. Более прагматичный подход можно найти у Э. Кедури, И. Берлина или Дж. Бройи, которые рассматривают национализм как идеологическую установку, для которой характерны признание самого факта существования наций, их морального приоритета и убежденности в необходимости их политической автономии^[2]. В этой трактовке патриотизм следует рассматривать как проявление национализма.

В национализмоведении России отмечается естественный перекос в сторону изучения русского национализма, в то время как периферийные национализмы попадают в сферу интересов исследователей гораздо реже. Не много внимания уделено и проблеме развития национализма в Сибири. В ее рамках можно выделить два основных направления. Во-первых, исследование сибирского национализма, как проявление гражданского сепаратизма, берущего истоки в сибирском областничестве. Во-вторых, изучение сибирских этнических национализмов, заявивших о себе с особой силой в начале 1990-х гг. Сибирские этнические национализмы развивались по единой траектории, содержание которой, с одной стороны, определялось имперской и советской национальной политикой, с другой – относительной схожестью хозяйственных и культурных традиций.

В данной работе предпринимается попытка выделить некоторые общие особенности развития национального дискурса в Сибири, на основе анализа биографии известного общественного деятеля Сибири, талантливого алтайского художника Г.И. Гуркина. Его образ стал своего рода квинтэссенцией алтайского национального дискурса: с одной стороны он может считаться основателем алтайского национального движения, с другой, является одним из центральных современных символов национального сознания алтайцев.

Национальный дискурс в Сибири оформляется в начале двадцатого века в специфических социокультурных условиях. Во-первых, идеологическое развитие сибирских народов шло в контексте идеологического развития Российской империи, где в основе коллективных представлений лежало православие. При этом господствовавшие в России религиозные формы общественного сознания переживали глубокий кризис. Во-вторых, в Сибири к тому времени не сформировались новые модернизированные формы социальной коммуникации. Не было «высокой культуры» (по Геллнеру), под которой, в том числе, следует понимать обеспечивающую должную унификацию всеобщую грамотность. В-третьих, отсутствовало то, что М. Хрох назвал «базисным уровнем социальной вертикальной мобильности»^[3]. Имеется ввиду слабое развитие национального дискурса и практически отсутствие национальной интеллигенции.

В этой связи не удивительно, что местная элита формировалась в религиозных учреждениях. Первая алтайская интеллигенция сформировалась под покровительством Алтайской духовной миссии. В частности Г.И. Гуркин окончил миссионерскую школу иконописания.

В это же время с передовыми политическими взглядами областников в Сибирь

проникают и занимают прочные позиции в общественном движении идеи национализма. Это особенно важно, поскольку под присмотром и наставничеством областников было сформировано мировоззрение ни одного поколения местной интеллигенции. Значительное влияние оказали они и на лидера алтайского национального движения Г.И. Гуркина. «Они-то и сформировали нравственные устои гуркинского мировоззрения, которые и привели его к постижению главного исторического предназначения своего искусства – быть выражением национального самосознания алтайского народа»^[4]

Как политическое движение алтайский национализм оформился после Февральской революции. В июле 1917 г. была учреждена Алтайская горная дума, а в марте 1918 г. Каракорум-Алтайская управа, которая должна была стать предвестником «республики Ойрот»^[5]. Поиск истоков государственности республики Алтай неизбежно приводит к Алтайской горной думе и Каракорум-Алтайской окружной управе 1917-1919 гг. Являясь представителем очень немногочисленной национальной интеллигенции Гуркин стал вдохновителем и главой первых алтайских государственных образований. Им же были разработаны основные символы республики^[6]. В связи с острой нехваткой местной интеллигенции роль национального идеолога выпала общественному деятелю В.И. Анучину, занимавшемуся, в том числе и этнографией. Он призвал к созданию Великой азиатской республики, которая включала бы народы южной Сибири «...все они “кижы”. Когда-то составляли все вместе великий народ “ойрат”»^[7]. Как следствие на Алтае в ходе гражданской войны этнический фактор сыграл не последнюю роль в мобилизации противостоящих сторон^[8].

Утверждение советской власти привело к активному строительству наций. Ключевую роль в этом процессе сыграли результаты административной политики и этнографического описания народов Сибири. После создания на Алтае в 1922 г. Ойротской автономной области были приняты меры по развитию системы коммуникаций и борьбе с неграмотностью, что стало важной предпосылкой для формирования новой национальной идентичности. Лидеры национального движения были дискредитированы и объявлены «буржуазными националистами», Гуркин был вынужден скрываться в Туве.

Одной из главных целей культурной политики советской власти было пробуждение самосознания в пределах новых национально-территориальных образований. В 1925 г. Гуркин смог вернуться на родину. Он отошел от политических дел и целиком погрузился в творчество: занимается живописью, организацией выставок, просветительской деятельностью и созданием художественной школы. Дальнейшее развитие национального дискурса в Сибири обуславливалось общими тенденциями национальной политики СССР. Период «коренизации» и интенсивного формирования местной элиты сменился репрессиями. В результате Г.И. Гуркин был расстрелян в 1937 по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности.

Противоречивость национальной политики СССР проявилась и в Сибири. С одной стороны, официальная идеология была направлена на унификацию этнополитической идентичности, апофеозом которой стало провозглашение советского народа. С другой стороны, советской властью оказывалось постоянное внимание к развитию национальных культур, создание национальных научных, культурных и просветительских организаций, развитие национальное литературы, музейного дела и театра.

Новый подъем национального движения в Сибири связан с периодом «парада суверенитетов». Распад СССР и резкое падение уровня жизни, породили схожий с началом XX в. идеологический хаос. Трансформация всех сфер общественной жизни в начале 1990-х

гг. привела к новому всплеску национализма и активизировала процессы социальной консолидации в рамках административных границ автономных республик. В условиях развития рыночных отношений, властям субъектов федераций пришлось искать новую социально-экономическую и идеологическую базу для развития регионов. Начался процесс активного формирования национального самосознания народов Сибири.

Не будет преувеличением, если сказать, что в последние 15 лет образ Г.И. Гуркина стал одним из самых популярных символов республики Алтай. Каждый посетивший столицу республики Алтай так или иначе сталкивается с именем художника. Особенно впечатляет при этом то обстоятельство, что в предшествующие годы имя Гуркина небезуспешно вымарывалось из национальной памяти. После гибели художника, его образ исчезает из общественного сознания. Это стало результатом целенаправленной политики государственных органов, наложивших запрет на популяризацию творчества художника и вообще на упоминание о нем. Характерно, что многие жители с. Анос обучавшиеся в здании усадьбы художника, где позднее была организована школа, не знали о Гуркине ничего^[9]. В условиях тотального государственного контроля над общественным сознанием манипуляции с национальной памятью упрощаются и через поколение образы стираются без следа. Даже искусствоведы в середине 1950-х гг. сетовали «уввы мы очень мало знаем картины Гуркина, его творческую биографию»^[10]. Таким образом, в случае с кампанией монтажа образа Гуркина мы имеем дело не просто с эманацией одного из региональных символов, но, фактически, с конструированием нового культурного топоса - точки в символическом пространстве национальной памяти, вызывающего обострение идентичности и усиливающего ощущение общности.

Отправной ее точкой можно считать научно-практическую конференцию посвященную 120-летию со дня рождения художника, которая прошла в январе 1991 г. Ее материалы были опубликованы под характерным названием «Возвращение». Выступления и обсуждения конференции определили основные дискурсивные линии формирования образа Гуркина. Чаще всего в центре внимания оказывается его культурная, просветительская и политическая деятельность, отдельная тема – его общение со знаменитыми современниками. Число публикаций посвященных Гуркину неуклонно растет. Из библиографического сборника посвященного его творчеству, всего насчитывающего 497 единиц, видно, что через пять лет количество работ о Гуркине удваивается.

Основные мероприятия, институционализирующие образ Гуркина и обеспечивающие его трансляцию в общественное сознание начались в том же 1991 г. Союзом предпринимателей Республики Алтай и республиканской газетой "Алтайдын Чолмоны" ("Звезда Алтая") была учреждена премия имени Гуркина. Определение лауреата приурочено ко дню рождения художника - 12 января. Именем Чороса-Гуркина названа одна из главных улиц Горно-Алтайска. В 1996 году дом-усадьба Г. И. Чорос-Гуркина включена в перечень особо ценных памятников истории и культуры Республики Алтай. Сейчас усадьбе Чорос-Гуркина придан статус дома-музея, и она является филиалом республиканского национального музея. В 2000 г. Гуркин стал обладателем ордена номер один «Утренняя звезда», национальной награды республики. Летом 2006 года в центре Горно-Алтайска появился памятник художнику, при открытии которого администрация республики трактовала его как основателя алтайской государственности, национального героя «подобного Александру Невскому или Сергею Радонежскому у русских» и великого художника. В центре культурной жизни республики – Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина действует постоянная выставка произведений Гуркина. Все

просветительские и общественно-политические организации республики регулярно проводят мероприятия, в которых, так или иначе, упоминается имя художника. Ставится вопрос о методической организации преподавания произведений Гуркина в средней школе.

Таким образом, в качестве инструментов монтирования нового топоса культурной памяти используются вполне традиционные, если не сказать консервативные, приемы. В их основе лежит целенаправленная деятельность государственных органов, общественно-политических и культурных организаций, которые, опираясь на значительный административный ресурс, смогли задействовать все важнейшие каналы массовой коммуникации. Очевидно, что в условиях гласности и политического плюрализма, подобного рода меры пропагандистского характера не всегда будут приводить к планируемому результату, а порою должны производить обратный эффект. Укоренение в коллективной памяти образа Гуркина следует, прежде всего, связывать с его внутренним культурным капиталом, основанным на возможности апелляции к фундаментальным мифологическим мотивам, универсальность которых обуславливается их способностью стабилизировать общественное сознание. Можно отметить четыре основных содержательных элемента образа Гуркина, определяющих его символический потенциал.

Во-первых, все свое творчество Гуркин посвятил Алтаю и алтайцам. Благодаря этому в сознании жителей республики он воспринимается как безусловно «свой», что позволяет им осуществлять через этот образ идентификацию с Алтаем вообще. В основе любой идентификации к крупному сообществу будет лежать миф о сопричастности. Стремился подчеркивать свою этническую принадлежность и сам Гуркин, например, соорудив во дворе своей усадьбы языческое капище из конских черепов.^[11] Популяризация Алтая стала одной из основных целей его творчества.

Во-вторых, очень важно, что известность Гуркина как художника выходит далеко за пределы Алтая. Не случайно во многих публикациях акцентируется внимание на связь с великим И.И. Шишкиным, который «умер на руках Гуркина». К этому следует прибавить личное знакомство со многим известными деятелями культуры Г.Н. Потаниным, В.Я. Шишковым, Г.Д. Гребенчиковым и др. Общее увлечение Востоком в столичных интеллектуальных кругах в начале века также способствовало распространению интереса к его произведениям. В 1914 г., к примеру, он привез в Москву шамана для воссоздания обряда камлания на заседании этнографов в Политехническом музее. Всероссийская известность художника придает его фигуре универсальное, общечеловеческое значение. Это делает идентификацию с ним престижной, позволяет жителям Алтая ощущать себя частью мирового культурного процесса. На индивидуальном уровне это способствует формированию чувства гордости за свой народ и за себя.

В-третьих, общественная деятельность Гуркина связана с зарождением государственности и началом формирования алтайской нации. Об амбициях общеалтайского лидера говорит и псевдоним Чорос, который, видимо, призывал отождествлять Гуркина с могущественным джунгарским родом. Это дополняет образ Гуркина мотивами отца-основателя, демиурга и покровителя.

В-четвертых, трагический конец жизни Гуркина вызывает у широкой общественности естественно сочувствие. Материалы уголовного дела Гуркина с последними фотографиями были опубликованы в специальном выпуске «Энчи» к 120-летию художника в 1990 г. С одной стороны эксплуатация темы гибели за свой народ придает образу Гуркина элемент жертвенности, что должно вызывать консолидирующее ощущение сиротства. С другой - эта тема имплицитно содержит и способствует формированию образа врага, также играющего

важную роль в процессе общественно-политической мобилизации. Особенно эти мотивы чувствуются в романе Кудинова «Каракорум», который описывает последние годы жизни художника^[12].

Таким образом, современный национальный процесс в Сибири характеризуется активным конструированием национальных символов. В качестве строительного материала используется культурный багаж, созданный в разные исторические периоды. Особенности функционирования национального дискурса позволяют без противоречий совмещать имперские, советские и религиозные символы. Широко среди сибирских интеллектуалов распространились идеи евразийства, благодаря которым местный национализм не вступает в противоречие с общероссийской идентичностью. При этом этнополитическое мифотворчество усиливается плюрализмом СМИ, коммерциализацией культурной сферы, внутренними политическими противоречиями. Все это делает национальный дискурс непредсказуемым. Предугадать пути дальнейших трансформаций сибирских национализмов трудно еще и потому, что среди творческой элиты республики нет единства даже в понимании в каких географических и культурных границах необходимо их трактовать.

^[1]Данн О. Нации и национализм в Германии. С-Пб.: Наука, 2003. С. 12-16

^[2]Берлин И. Национализм: вчерашнее упущение и сегодняшняя сила // Берлин И. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 333-365; Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 204; Kedourie, E. 1960. *Nationahsm*. New York: Praeger. P.9. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор теорий современных наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 342.

^[3]Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 133.

^[4]Эдоков В.И. Г.И. Чорос-Гуркин и алтайская художественная культура XX в. С. 3-9. // Материалы по истории и культуре республики Алтай. Г-Алт, 1994.

^[5]Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск: НГУ, 1996. С. 45.

^[6]Там же С. 25.

^[7]Сушко А.В. Роль В. И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. Барнаул, 2008. № 4/1. С. 143.

^[8]Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2009. С. 191-192.

^[9]Туденева Ю.В. «Здесь все еще о нем напоминает...». - Г.-Алтайск: «Юч-Сумер — Белуха», 2005. С. 169-173.

^[10]Эдоков В.И. Мастер из Аноса. - Барнаул: Алт.кн.изд-во, 1984. С. 5.

^[11]Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. - Новосибирск: Наука, 1992.

^[12]Кудинов И.П. Избранное. - Барнаул : ОАО "Алт. полигр. комб.", 2000.

***Дмитрий Алексеевич Михайлов** - к.и.н., доцент Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ; e-mail: damihan@yandex.ru

© 2010, IJORS - INTERNATIONAL JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES